

Эм. Бескин

Путь великого мастера

ТЕАТР ГОРЬКОГО И ЦАРСКИЕ ЖАНДАРМЫ

За последнее время опубликован ряд новых материалов, рисующих революционный путь Горького. Основной стержень этого пути, его сторожевая, направляющая вежа — бодрое, зовущее вперед, к борьбе и победам жизнеутверждение. «Для лучшего живет человек» — подтверждает весь жизненный путь величайшего из пролетарских писателей.

«Пусть путь борца за свободу человеческой личности будет триумфальным шествием победителя». Так гласила прокламация, распространявшаяся за подписью «нижегородцы» в Москве 6 ноября 1901 г. На завтра, т. е. 7 ноября, через Москву из Нижнего должен был проехать административно высланный из Нижнего Максим Горький. Через несколько дней в отношении департамента полиции от 19 ноября 1901 г. за № 4109 «Министр внутренних дел егермейстер Сипягин» благодарил «хозяина Москвы» московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, дядю Николая Романова за то, «что своевременно были приняты все необходимые, отвечающие обстоятельствам меры, благодаря чему предположенная демонстрация при проезде писателя Пешкова через Москву не могла состояться».

Теперь нет Романовых, нет Нижнего. Зато есть город Горький. Это ли не триумфальное шествие победителя — революционного пролетариата

и его любимого писателя Максима Горького, о котором говорила листовка «нижегородцев».

Год первых драматургических опытов Горького — 1902-й — совпадает с исключением его «во исполнение монаршей воли» из числа членов царской Академии наук.

Центроархив опубликовал новые чрезвычайно интересные данные по этому поводу.

21 февраля Александр Васильевич Сухово-Кобылин и Алексей Максимович Пешков были избраны в почетные академики разряда изящной словесности.

5 марта Николай II пишет министру народного просвещения Ванновскому «исполненное тревоги» письмо: «Петр Семенович, известие о выборе Горького в Академию наук произвело на меня, как и на всех благомыслящих русских, прямо удручающее впечатление. Чем руководствовались почтенные мудрецы при этом избрании — понять нельзя. Ни возраст Горького, ни даже коротенькие сочинения его не представляют достаточного наличия причин в пользу его избрания на такое почетное звание. Гораздо серьезнее то обстоятельство, что он состоит под следствием. И такого человека в теперешнее смутное время Академия наук позволяет себе избрать в свою среду. Я глубоко возмущен всем этим и поручаю вам объявить, что по моему велению выбор Горького отменяется. Надеюсь

хоть немного отрезвить этим состоянием умов в Академии. — Николай».

Запись в дневнике президента Академии наук Константина Романова от 8 марта: «Тревожный день. С волнением ожидал Ванновского, обещавшего ко мне заехать прямо из Зимнего дворца после своего доклада... Ему удалось убедить государя, чтобы признание недействительности выборов Горького исходило только от Академии, а не от высочайшей власти».

Это означало — приказать Академии отменить свои собственные выборы. Тот же Ванновский сообщил и готовый текст «отречения» от Горького, который по воле Николая должен был быть напечатан в ближайшем номере «Правительственного вестника».

В этот же день, — каковы темпы, — Константин Романов собирает у себя в «белой столовой» соединенное собрание «отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности». Были Веселовский, Пыпин, Кондаков, Шахматов, Ламанский, Соболевский, Кони, Арсеньев, Стасов, Кутузов и Потехин.

Академики, как известно, «высочайшее повеление» Николая II выполнили беспрекословно. И в номере «Правительственного вестника» от 12 марта 1902 г. было напечатано следующее: «В виду обстоятельства, которые не были известны соединенному собранию отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности императорской Академии наук, выборы в почетные академики Алексея Максимовича Пешкова (псевдоним «Максим Горький»), привлеченного к дознанию в порядке ст. 1035 ст. угол. судопр., объявляются недействительными».

Как известно, только Короленко и Лехов не «расписались» под этим документом и, официально заявив об этом, ушли из Академии.

Под знаком «академического инцидента», как его деликатно называла тогда либеральная печать, проходят в 1902 году две первые пьесы Горького «Мещане» и «На дне».

Интересна, как характеристика отношения самого Горького к «инциденту», надпись, которую он делает на экземпляре «Мещан», подаренном Леониду Андрееву. После шуточного посвящения Горький не менее весело подписывается «Алексей Пешков, житель нижегородский и арзамасский, цеховой малярного цеха, бывший академик».

Премьера «Мещан» состоялась во время гастролей Московского Художественного театра в Петербурге весной 1902 г. И как раз совпала с днями горьковского «инцидента». Если

первая пьеса Горького была вообще событием, то в обстановке исключения автора из Академии это событие в своем удельном весе, понятно, еще возросло.

Жандармы всех мастей насторожились. Сначала постановка «Мещан» была запрещена совсем. Потом пьеса была разрешена только для четырех абонементных спектаклей, т. е. на «отборную публику».

Бюрократический Олимп чувствовал себя беспокойно. Министр внутренних дел Сипягин сдвинулся по этому поводу с московским генерал-губернатором Сергеем Романовым и пишет ему: «Хотя из пьесы «Мещане» устранены все неудобные в цензурном отношении места и выражения, но, принимая во внимание широкую популярность Горького в известных кругах публики и особенно молодежи, а также направление названного писателя, я признаю необходимым командировать на генеральную репетицию означенной пьесы начальника Главного управления по делам печати князя Н. В. Шаховского. В виду тех же соображений не благоугодно ли будет вашему императорскому высочеству назначить для присутствования на генеральной репетиции пьесы «Мещане» особое лицо, которое могло бы доложить вам о сценическом впечатлении, производимом первым драматическим опытом М. Горького. Таким образом представится возможность не допустить до публичного воспроизведения тех отдельных мест или выражений, которые в чтении не производят отрицательного впечатления, но каковые в исполнении на сцене могут вызвать нежелательное действие».

Волнение министра внутренних дел передано и петербургскому градоначальнику барону Клейгельсу, который действовал уж более «непосредственно». Он на первом представлении «Мещан» в целях «предупреждения и пресечения» снял всех капельдинеров и контролеров и заменил их городовыми. Когда театр, (в лице В. И. Немировича-Данченко) заявил по этому поводу протест, барон пошел на уступки и на втором представлении «Мещан» одел городовых в форму капельдинеров.

И жандармские страхи были не напрасны. Манифестации в честь автора на представлении горьковских пьес были в это время далеко нередким явлением.

Когда летом 1903 г. грузинский театр ставит в присутствии приехавшего в Тифлис Горького «На дне», тифлисская охранка спешит успокоить департамент полиции телеграммой: «Губернатор предупрежден». Но тифлисская публика подвела, не дала отличиться. И охранка после спектакля

заочному рецензенту в Петербурге: «Пьеса «На дне» прошла в здешнем губернском театре без каких бы то ни было демонстративных проявлений со стороны публики, но зато (все-таки!) по агентурным сведениям автор пьесы пожертвовал 300 р. в местный комитет союза российской социал-демократической рабочей партии».

Осенью 1902 г. на месте был отдан строгий циркуляр-предупреждение: «Наблюдать за тем, чтобы сцены Горького «Мещане» разрешались к постановке чинами полиции только по экземплярам, скрепленным драматической цензурой, а также чтобы не допускались анонсы о новой пьесе Горького «На дне» до представления цензурных экземпляров».

Таким образом для пьес Горького устанавливается сразу «чрезвычайный» порядок. Они не разрешались, как все прочие по публикуемому ежемесячно в «Правительственном вестнике» спискам пьес «дозволенных». Для их представления требовался каждый раз из центра специально скрепленный цензурой экземпляр.

Елецкий полицмейстер «напетел». Он разрешил в октябре 1902 г. постановку на сцене елецкого городского театра «Мещан». Конечно, возникло «дело». И орловский губернатор вынужден был разъяснить главному управлению по делам печати, что «веренный ему» елецкий полицмейстер «не знал существующих условий постановки этой пьесы, в чем признает себя вполне виновным».

Зато орловский губернатор Рогович «бдит во всю». Вынужденный разрешить «Мещан» ввиду представления скрепленного цензурой экземпляра, он «считает долгом сообщить, что пьесу все же почел патриотическим долгом снять».

Петербургский градоначальник, — уже упомянутый барон Клейгельс, — идет еще дальше. Он ставит спектакль пьесы «На дне» в прямую связь с «развитием в столице преступности со стороны особого класса людей». Главное управление по делам печати спешит успокоить градоначальника: «если он находит дальнейшее представление этой пьесы в С.-Петербурге нежелательным, она может быть снята».

Январь 1905 г. застаёт Горького в отдельной камере Трубецкого бастиона Петропавловской крепости по обвинению в покушении на «ниспровержение существующего государственного порядка», в «призыве к борьбе с самодержавием».

Командант крепости сообщает в письменном отношении департаменту

полиции, что «арестованный Алексей Пешков обратился к нему с прошением ввиду необходимости заработка для содержания семьи воспользоваться свободным временем, чтобы написать комедию».

Департамент полиции милостиво разрешает Горькому написать комедию «с тем, чтобы этот литературный труд был представлен в департамент полиции для просмотра».

И в промежуток времени с 16 января по 20 февраля, т. е. в течение одного месяца, были написаны «Дети солнца». Представленные на рассмотрение цензуры они возбуждают меньшую тревогу, чем «Мещане» и «На дне». Цензор видит в «Детях солнца» «пророчество о народном мщении и считает долгом присовокупить, что у него не возникло никаких сомнений в совершенной недопустимости рассматриваемого произведения ввиду его крайней тенденциозности, могущей вызвать при исполнении пьесы только нежелательные последствия».

Но популярность Горького была настолько велика, что запретить его пьесу было все же не так легко, пришлось бы итти на общественный скандал не только российский, но и мирового масштаба. Пришлось подвергнуть пьесу «дезинфекции». И все же разрешить.

В одном цензор не ошибался: постановка пьесы в политически накаленной атмосфере осени 1905 г. действительно имела «последствия» и уже на премьере, 24 октября 1905 г., вызвала «инциденты».

С «Врагами» было уже легче справиться. Написаны они были в полосу реакции после 1905 г. Жандарм действовал смелее. И внял гопосу цензора, что пьеса является «сплошной проповедью против имущих классов и не может быть допущена к представлению», запретил ее. «Враги» появились на сцене только после Октября.

Так царская жандармерия «охотилась» за Горьким-драматургом. Провокатор Гурович доносит в департамент полиции, что «Пешков удачно соединяет легальные занятия (участие в редакциях, обществах и т. п.) с подпольной деятельностью и таким образом всякое легальное дело превращает в революционное».

Совершенно верно. Гуровичи отлично понимали, что и пером драматурга Горький тоже «превращал легальное дело в революционное», в борьбу за то, чтобы человеку «жилось лучше», разоблачал и подрывал все то, что «охранялось» царским жандармом, одет ли он в форму городского из «На дне» или в вицмундир министра внутренних дел.

Собственно, Гуровичи отлично понимали, что и пером драматурга Горький тоже «превращал легальное дело в революционное», в борьбу за то, чтобы человеку «жилось лучше», разоблачал и подрывал все то, что «охранялось» царским жандармом, одет ли он в форму городского из «На дне» или в вицмундир министра внутренних дел.

Собственно, Гуровичи отлично понимали, что и пером драматурга Горький тоже «превращал легальное дело в революционное», в борьбу за то, чтобы человеку «жилось лучше», разоблачал и подрывал все то, что «охранялось» царским жандармом, одет ли он в форму городского из «На дне» или в вицмундир министра внутренних дел.

Собственно, Гуровичи отлично понимали, что и пером драматурга Горький тоже «превращал легальное дело в революционное», в борьбу за то, чтобы человеку «жилось лучше», разоблачал и подрывал все то, что «охранялось» царским жандармом, одет ли он в форму городского из «На дне» или в вицмундир министра внутренних дел.

Собственно, Гуровичи отлично понимали, что и пером драматурга Горький тоже «превращал легальное дело в революционное», в борьбу за то, чтобы человеку «жилось лучше», разоблачал и подрывал все то, что «охранялось» царским жандармом, одет ли он в форму городского из «На дне» или в вицмундир министра внутренних дел.